

Под взглядом Лары, наполненным лёгкой грустью и искрой облегчения, мы покинули дом. Она, порядком уставшая от моего безрассудного бытия и бессмысленного послевоенного прозябания, наверное, в какой-то степени была рада, что я наконец-то покидал этот бесперспективный город.

Я не мог рассказать ей всего, да и она не спрашивала, молча приняв моё внезапное решение.

Император постоянно торопил меня, появляясь в одному мне видимых галлюцинациях, то сверяясь с ветхими картами, то высчитывая что-то в уме, смотря на едва прорезавшиеся в небе звезды. Я же шёл привычным для пехотинца темпом, от скуки наблюдая, как девочка-шут совсем по щенячьи следит за каждым жестом сердито хмурящегося рядом Зэра.

Сколько же упертости, злобы и стремления было в этом некогда великом воине. Его тень была выше меня почти на голову, а широкие плечи покрывал алый плащ. В целом прямые серебристые волосы, чуть ниже шеи почему-то решившие дать одну единственную волну, были зажаты золотым обручем. Вытянутое лицо казалось еще длиннее из-за таких же седых усов, словно у глубоководной рыбы свисающих на целую ладонь от подбородка, как будто ровняющихся по жидкому пучку бороды.

Город Трест прощался с нами одинокими огнями зажиточных домов, масляными фонарями шахт и уличными кострами трущоб, что, наверное, ещё долго будут всплывать в моей памяти. Сразу за городской чертой нас встречала нисходящая с гор дорога, по которой при свете дня уходили в столицу нескончаемые обозы с рудой.

Из-за повышенного чувства справедливости я не смог найти себя ни в одной из послевоенных профессий, поэтому мирная жизнь так и не пришлась мне по душе. То подерусь с начальником в шахтах, то прилюдно уличу торговца овощами в обвесе. Даже пробовал быть дворником, но сломал метлу, ударив выбрасывающую из окна мусор свинью.

Скучал ли я по войне? В целом, конечно, нет, да и кем надо быть, чтобы ностальгировать по ужасам передовой, да еще и желать туда вернуться? Хотя у армии в целом были и положительные моменты. Не нужно было думать, куда идти и что делать, за меня это делали старшие по должности и соответственно по званию.

Как-то так вышло, что меня не принял мир. А за компанию меня отторгла и война, не похоронив вместе с другими на многочисленных полях сражений в братских могилах и не сделав калекой. Она лишь оставила на теле осколочное ранение от разорвавшегося вблизи ядра.

Переполненные палатки с ранеными заставляли докторов выбирать и выставлять приоритет, между теми, кто собирается возвращаться на фронт, и теми, кто уже и на гражданке не пригодится.

Куски чугуна были частично вынуты из моего тела, но пошедшие воспалительные процессы в какой-то момент заставили врачей развести руками, мол, для фронта ты, дружок, всё равно не годен, умрешь так умрешь, выживешь так выживешь. И я с соответствующей бумагой, загибаясь от боли, с температурой поехал на попутных повозках домой, не зная даже, выживу ли в пути.

Однако у судьбы были свои планы. Вернувшись и попав в чудотворные руки Лары, я резко пошёл на поправку. А затем на радость всей страны и простолюдинов закончилась и война. Закончилась без меня.

Предатели были подавлены, лидеры мятежников повешены, а простые солдаты вернулись к своим семьям, работе и быту. Кто хотел вернуться и влился в полицейские гарнизоны, однако многие стали бандитами, мародёрами, джентльменами долбаной удачи.

Указом короля Джастира было запрещено ношение любого оружия, за нож, что длиннее вытянутой ладони, можно было запросто угодить в гости к дубовой веревке. Но что терять асоциальным мразям, которым и так грозила высшая мера? Антиобщественный элемент был вооружен от пят до зубов, а вот простому работяге приходилось несладко, потому что часто в городах днем правила власть короля, а ночью выползали собирать свою грязную жатву жулики и воры.

В этот путь, который можно было назвать дорогой в никуда, я взял бурдюк с водой и пару буханок хлеба, одна из которых уже была покрыта тонким слоем плесени, но всё еще пригодна для еды, если срезать верхнюю кромку. Всё это добро с легкостью уместилось в походную торбу, туда же отправился маленький хлебный ножик.

— Зачем тебе эта зубочистка? — презрительно бросил император, завидев, как я роюсь в торбе на очередном привале.

— Надо же. Великий император не знает, для чего используется нож? — Я даже не старался скрыть свой сарказм. — Тебе хлеб чем резали? Мечом, что ли?

— Ты такой смелый, потому что знаешь, что я не могу тебя убить, или что?

— Какая разница. — Усмешка произвольно налезла мне на лицо. — О чём мне говорить с призраком, не помнящим, для чего используется нож? Ты хотя бы вспомни тех, с кем вчера сражался. Думаешь, такие только в городах живут?

— Так вот ты о чём, бесполезный тюфяк. Если эта зубочистка тебе нужна как оружие, то хотя бы храни её там, откуда сможешь достать быстрее, чем вздохнет твой противник. — Поняв мои мысли, пояснил новоиспеченный учитель.

— Хочешь, чтобы до встречи с твоими преследователями нас гвардейцы повесили? — парировал я. — Ах, ну да, ты же сдох уже, чёрт знает когда, поэтому не знаешь о том, что незаконное ношение оружия карается смертью.

— А ты не знаешь, что за отсутствие ножа под рукой можно угодить прямым в землю! — тут же радостно пропищал шут, который молчал всё это время. Детский голосок резким контрастом разрушил атмосферу беседы, но даже так в её словах была доля истины.

— Кхм, и не поспоришь... И что мне с ним делать? — держа в руке ножик, пробормотал я.

— Ничего. Используй по назначению, — отрезал император — Раз мы остановились на том, что я буду тебя обучать, твои руки и ноги скоро сами будут как ножи. Поднимайся. Мы и так уже задержались. Они могут быстро догнать нас, если будем медлить.

Кто такие они, я не уточнял, решив, что познакомлюсь со всеми странностями, нагрянувшими в мою жизнь, по мере их появления.

Долгие переходы всегда давались мне легко, ведь главное для пехотинца — ноги и песня, ноги у меня были, а песнями и историями меня снабжала скачущая вприпрыжку девочка, телом которой овладел дерзкий шут.

Шли мы довольно долго, но вскоре утомительный шестичасовой марш был прерван возгласом императора:

— Живо с дороги! За тот валун!

Девочка-шут, до этого момента шагающая без усталости под свои многочисленные песни о древних деяниях неизвестных мне особ, тут же подчинилась и соскочила с пыльного тракта. Я же осмотрелся вокруг, не понимая, откуда исходит опасность.

— Чего ты ждешь, сын осла?! — взревел император. — Я же сказал, прячься!

Желание вступить в спор с блеклой тенью императора уже успело вьестись в мою кровь, но, думая о том, что это отличная возможность отдохнуть, я шагнул на обочину, пряча свои мысли на этот счёт. Не торопясь, но и немедля, я двинул туда, где исчезла девочка, и, присев рядом с ней, прикрыл глаза, опершись спиной о камень.

Прислушавшись к гудящим ногам, я медленно и протяжно выдохнул, ощущая, как усталость накрывает меня с головой. Переполняющее меня желание лечь и поспать хотя бы пару часов было вдребезги разбито тревожным голосом моего недомёртвого компаньона.

— Тихо. Они здесь...

Топот копыт послышался внезапно, будто до этого самого момента что-то скрывало его от посторонних на многие километры. Услышав знакомые звуки, я аккуратно выглянул из-за укрытия и от увиденного почувствовал, как волосы встали дыбом.

Нечто пронеслось, как пушечное ядро, и лишь спустя несколько секунд я смог разглядеть гостя. Это был чёрный как смоль всадник в чёрном плаще, сидящий на, что неудивительно, такой же чёрной лошади. Словно кто-то взял кусок угля и создал с его помощью невероятно реалистичный рисунок. Единственным, что выбивалось из этой картины, были золотая сбруя и ярко-жёлтые глаза.

Это существо оставляло за собой след клубящейся тьмы, при взгляде на которую разум будто тонул в бездне. Словно единый организм, всадник и лошадь мчались по их следам, будто точно зная, куда им надо и ни на секунду не замедляя темпа.

От взгляда на незнакомца меня накрыло страхом. Даже больше. Я испытывал животный ужас, холод, что веял от него, сковал меня на месте. Мускулы задрожали, спина покрылась липким потом, как будто я на миг оказался перед пастью древнего монстра.

Они исчезли так же быстро, как и появились, но я всё ещё всматривался в темноту, пытаюсь осмыслить увиденное. Одному Свету известно, чего бы стоило моё промедление, задержишься я дольше чем на секунду.

Я по-новому взглянул на ситуацию и теперь чётко понял, что пусть и временно, но мы с бывшим императором в одной лодке.

— Чего? Свету? — фыркнул император. — Неблагодарный идиот! Хочешь знать, чего бы тебе стоила твоя лень и неверие? Головы! Понял? Ты же солдат, разве вас там учили думать? В следующий раз просто делай, как говорю!

— Что? Что это было? — Оскорбления Зэра для меня уже были на уровне городского шума, к которому привыкаешь после долгих дней, поэтому, не обращая на это внимания, я хотел

узнать, с чем именно мы только что столкнулись.

— Это сельтар. Бесплотный страж Зала стенаний.

— Какого зала? — переспросил я и тут же получил тычок в бок от девочки-шута.

— Не перебивай! — зашипела мелкая, но император и не думал прерываться, внезапно окунувшись в повествование о днях своей былой мощи.

Я слушал и отдыхал, не зная точно, когда Зэр вновь погонит нас в путь. Разминая бедренные мышцы, я скинул сапоги, освободив от портянок опрелые пальцы ног, расправив тут же на камнях серую от грязи и времени ткань.

Ночная температура разнилась с нагретой телесным теплом обувью, из-за чего запах портянок ударил в нос, но, честно говоря, сейчас это мало меня тревожило.

Пускай всё идёт всё во Тьму этого самого Зала стенаний. У меня привал, а солдату для сна нужна лишь точка опоры, в качестве которой отлично мог послужить камень за спиной. Не такой мягкий, как кровать в родном доме, конечно, но на безрыбье и лягушек пожарить можно.

— Это произошло, когда мне исполнилось девяносто лет. Я как сейчас помню тот праздничный день и момент, когда они пришли в мой дворец, также отпечатался в моей памяти. — Что-то в тених мелькнуло, и я, бросив взгляд, увидел задумчивое выражение лица рассказчика, который, погружившись в воспоминания, напоминал обычного старца в трактире. — О-о... Столы тогда ломились от яств, а подданные засыпали в икре пурпурных навиков* Очаровательная музыка заполняла залы, и народ гулял, восхваляя моё величие. Я был пьян и весел и наслаждался компанией юных дев, что массировали моё нетронутое годами стальное тело. Да, оно было моим храмом, и всю свою жизнь я потратил на то, чтобы этот храм не разрушился. Ты даже не представляешь себе усилий, что я для этого приложил.

— Я! Я знаю ваше величество! Вы... — Девочка хотела поделиться знаниями, но тот не дал ей продолжить.

— Заткнись. — Отмахнувшись от шута, он продолжил: — В общем, их пришло семеро. Сельтары... Семеро таких же тварей, какая недавно пробежала тут и от которой мне... Мне! — Император в сердцах ударил по камню, но, будучи лишь тенью, так и не смог выплеснуть всю свою злость. — Пришлось прятаться. Когда они пришли, время вдруг остановилось. Даже будучи пьяным, я всё равно смог понять, что происходит что-то ненормальное, а затем увидел и самих гостей. Когда ублюдки окружили меня, я услышал голос одного из них...